

Бай Сюанькэ, чьи иллюзии наконец рухнули, стоял на коленях, пошатываясь. Его лицо, еще мгновение назад искаженное фальшивой улыбкой, теперь напоминало разбитую маску. Он протянул руку к Сяо Му, но тот, не оглядываясь, безжалостно зашагал прочь.

Будь оно всё проклято, надо быстрее закончить оставшиеся дела. Сяо Му тяжело вздохнул. Скачка по ухабам была невыносимой: каждый толчок отдавался во всем теле, выбивая из горла густую кровь вперемешку с ошметками внутренних органов.

Бай Сюанькэ поднялся с земли лишь спустя долгое время после ухода Сяо Му.

— А ведь ты... ты и вправду был моим светом, — прошептал он.

Этот свет, ворвавшийся в его жизнь и озаривший серое, безрадостное существование, вдохнул в него подобие жизни. В лучах этого сияния Бай Сюанькэ чувствовал себя ничтожным, словно крыса, боящаяся дневного света, но всё равно тянущая лапы к спасительному лучу. В конце концов, ему осталось лишь смотреть, как этот свет шаг за шагом удаляется в темноту.

В конце концов император Государства Ло не выдержал давления и распахнул ворота, позволив генералам пяти государств ступить на свои земли для переговоров. Во главе делегации шел юноша в пугающей маске. Его фигура не была такой мощной, как у остальных военачальников, но взгляд тяжелил плечи не хуже доспехов. К удивлению многих, встречать делегацию вышли не только император, но и третий принц. Самым поразительным было то, что они держались на равных, и даже сидели, не выказывая предпочтения ни одному из них.

Предводитель делегации тихо произнес:

— Я Юй Чэнь, великий генерал Государства Хуа.

Император Государства Ло, хоть и подозревал, что этот человек жив, лишь увидев его перед собой, вынужден был принять этот факт. Юй Чэнь инсценировал собственную смерть.

Юй Чэнь — генерал, внушавший наибольший трепет. Он казался человеком, скрытым в тумане, расставляющим безупречные ловушки. Он даже смерть использовал как приманку, чтобы усыпить бдительность врагов и нанести им смертельный удар. Теперь, даже если вновь поползут слухи о его кончине, никто не осмелится им поверить.

Даже если он действительно умрет, оставленное им наследие будет оберегать страну сотни лет.

Заклучив договор с Государством Ло, союз пяти государств покинул его пределы. Государство Ло всё еще оставалось великой державой, сохранившей свои козыри, и припирать его к стенке,

доводя до отчаяния, не было нужды. Однако условия договора были для них горше смерти.

Когда Сяо Му уже собирался уходить, молчавший до этого третий принц с трудом выдавил:

— Это ты? Вэнь Юй... нет, Юй Чэнь.

Уголки губ Сяо Му, скрытые маской, едва заметно дрогнули. Он не ответил и, развернувшись, ушел.

Возвращение героя должно быть событием, полным радости и ликования. Государство Хуа, когда-то слабое и окруженное врагами, в одночасье превратилось в уважаемую великую державу. И всё это благодаря одному человеку.

— Государство Хуа победило! Они вернулись с войны!

— Тётушка Лю, твой второй сын вернулся живым! Ему даже дали должность, сам император наградил!

— Мой сын... мой сын вернулся живым?!

— Слава великому генералу! Он — божество, посланное нам небесами!

— Генерал!

— Говорят, сын четвертой тетушки служит под началом самого генерала, он видел его и даже разговаривал с ним!

— Боже мой, я тоже хочу поговорить с генералом! Должно быть, его сын в прошлой жизни совершил много добрых дел!

— Мама, я хочу подержаться за руку того брата, бабушка говорит, что он помогал генералу, если я подержусь, то тоже стану умнее!

Весь народ славил этого человека, преклоняясь перед ним как перед богом. Люди падали на колени, рыдая от счастья и благодаря небеса за то, что послали им Юй Чэня.

Однако Сяо Му не вернулся. Его тело было слишком истощено, чтобы выдержать дорогу домой. Кровь, хлынувшая из горла, уже не останавливалась. Она заливала землю, окрашиваясь ошметками плоти, что ранило глаза окружающих. Взгляд Сяо Му медленно тускнел,

наполняясь тьмой смерти.

В момент, который должен был стать праздничным, генералы зашлись в рыданиях. Крупные капли слёз падали на землю. Видеть, как угасает их вера, шаг за шагом приближаясь к концу, было больнее любых ран.

Генерал... он ведь только достиг совершеннолетия, а жизнь уже подошла к концу. В самый яркий свой миг он был вынужден уйти. Днями и ночами они молились перед статуями богов, умоляя не забирать его так рано. Боги даровали им надежду, даровали веру, а теперь безжалостно отнимали их.

Неужели боги так полюбили их генерала, что не смогли дождаться и решили забрать его к себе?

Суровые воины никогда еще так не плакали. Они словно выплакивали всю свою жизнь, и даже седые генералы, которым было под шестьдесят, рыдали горше всех.

Сяо Му едва мог выговорить хоть слово. Потребовалось много времени, чтобы он произнес:

— Я... кхе-кхе... я не умираю. Я просто отправляюсь посмотреть на эти прекрасные земли. Не печальтесь. Пока существует Государство Хуа, я всегда буду рядом с ним.

Он махнул рукой, подозвал Чжан Хунху и велел забрать то, что держал в руках.

Это был деревянный ларец. В нем лежали стратегии, способные обеспечить процветание Хуа на сотню лет вперед. После этого он окончательно закрыл глаза, и его грудь замерла.

— Генерал!

Снаружи все ликовали, не зная, что их божество и спаситель, истощенный бесконечными войнами и ранами, тихо скончался. Вся страна должна была погрузиться в траур, устлаться белым полотном, но оставшиеся генералы могли лишь хранить всё в себе.

Потому что даже после смерти их генерал заботился о Государстве Хуа, не желая, чтобы страна, которую он вырастил своими руками, пережила еще хоть одно потрясение.

Спустя много лет, вспоминая те дни, они всё еще не могли сдержать слез. Плача, они спокойно рассказывали потомкам о том времени и о человеке, которым восхищались поколения — о непобедимом великом генерале Юй Чэне.

Чжан Хунху, обнимая тело Юй Чэня, плакал, не меняясь в лице.

Бай Сюанькэ обманул его. Он не спас генерала. Это он, Чжан Хунху, совершил ошибку, позволив генералу уйти. Он посвятит всю свою жизнь искуплению этого греха.

Чжан Хунху, не оглядываясь на последствия, украл тело Юй Чэня и отправился странствовать по этим горам и рекам.

Разве мог он выполнить требование генерала и уничтожить его тело?

Ты ведь не умер, правда? Ты сказал, что хочешь посмотреть на эти земли. Позволь мне показать тебе этот широкий мир.

Юная девушка, увидев в учебнике эту строчку, заинтересовалась генералом по имени Юй Чэнь. Она толкнула соседку локтем:

— Ты знаешь что-нибудь об этом генерале Юй Чэне?

Соседка с восторгом хлопнула её по руке:

— Это же мой кумир! Куда там нынешним смазливym мальчикам!

Не дожидаясь вопросов, она принялась рассказывать:

— Ты знаешь Государство Хуа? Раньше это была крошечная страна, которую вот-вот должно было стереть с лица земли соседнее Государство Ло. Всё держалось только на моем кумире. Он в одиночку вытащил её из могилы, не только защитил от бесчисленных армий, но и превратил в одну из величайших держав того времени!

— Не может быть... один человек...

Соседка перебила её:

— Не хочу слушать, мой кумир самый лучший! Он и красив, и талантлив, слушай... — она начала захлеб перечислять великие подвиги Юй Чэня, и девушка невольно прониклась восхищением и тоской по этому человеку. На середине рассказа соседка вдруг приуныла:

— Только жаль...

— Что жаль? — заторопилась девушка.

— Жаль, что небеса завидуют талантам. Мой кумир скончался от тяжелых ран сразу после подписания договора... Нет, это всё слова так называемых экспертов, я не верю, что он вот так просто ушел! Он всё предвидел, он не мог так легко сдаться! Он наверняка просто отправился в путешествие по этим великим землям! — голос соседки дрогнул. В другое время девушка бы посмеялась над тем, как та преувеличивает, переживая из-за исторической личности, жившей сотни лет назад.

Но сейчас ей было не до смеха. Внутри стало тяжело и тоскливо. Вернувшись домой, она начала собирать информацию об этом генерале. Чем больше она узнавала, тем сильнее погружалась в эту историю, невольно шепча:

Если бы я могла увидеть тебя хоть раз...

В этом мире было так много людей, любивших Юй Чэня. Даже спустя годы, когда всё изменилось, в крови потомков жителей Хуа, казалось, сохранилось то самое восхищение и любовь. Но он больше не хотел останавливаться ради них.

Это так жестоко, и всё же... невозможно не любить его до самой глубины души.

12. Мудрый, как демон, стратег (Экстра)

В тесной деревянной хижине повсюду валялись винные кувшины: одни пустые, другие брошенные после пары глотков. Окна и двери плотно закрыты, тяжелый запах перегара и гнили стоял в воздухе.

Бай Сюанькэ сидел, прислонившись к стене, обнимая кувшин. Его одежда была в беспорядке, и в этом опустившемся человеке невозможно было узнать когда-то блистательного военачальника. Он забился в угол, словно черепаха в панцирь — в единственное место, где чувствовал себя в безопасности. В этой хижине, где он прятался от солдат Ло пять лет, его единственными спутниками были сосуды с насекомыми Гу.

Здесь он был в безопасности, никто не мог причинить ему вреда. Разве не лучше было остаться здесь навсегда, беззаботно и спокойно? Если бы он не ушел... если бы тогда не вышел наружу...

Может, тогда всё это его не касалось бы, и он не чувствовал бы этой боли? Вырвать эти воспоминания из собственной плоти и снова стать тем безразличным человеком, каким был раньше.

Нет, всё равно не смириться. Если бы ему дали еще один шанс, он бы снова проглотил того жука и вышел из хижины. Первые двадцать четыре года его жизни были лишены красок. В его памяти детство состояло лишь из уродливых насекомых, холодных лиц близких и

презрительных выкриков окружающих.

Когда его страна пала под ударами Ло, Бай Сюанькэ не почувствовал ни капли печали — лишь глубокое разочарование. Он не понимал, зачем люди так цепляются за жизнь в этом скучном мире. Его собственная жизнь была стоячей водой, не знавшей ни единой ряби. Города падали один за другим, и в душе Бай Сюанькэ затеплилось некое ожидание.

Рядом патриоты взывали к защите страны, толпы людей вторили им. Бай Сюанькэ смотрел на их раскрасневшиеся от возбуждения лица и слезы на глазах, кривя губы в усмешке.

Он не понимал этих чувств, даже смотрел на них свысока, насмехаясь. Впрочем, может, они покажут ему что-то иное? Свет в их глазах вызывал у него любопытство и даже долю зависти.

Этот свет, казалось, был способен сжечь саму душу. Готовность отдать всё ради цели — это должно было рассеять бесконечную тьму перед его глазами. Но, увы, даже когда страна была полностью стерта с лица земли, Бай Сюанькэ так и не увидел света, заставившего бы его душу дрогнуть.

Свет... о, свет. Почему я не вижу света? Почему в этом мире нет света?

Бай Сюанькэ забрал передаваемого из поколения в поколение Короля Гу и ушел туда, где его никто не смог бы найти, прожив в той хижине пять лет. Он думал, что это успокоит его разочарование, но зверь внутри него не унимался, терзая его и требуя своего.

В конце концов он последовал зову сердца, вышел из хижины и прибыл в Государство Ло. Он думал, что здесь найдет хоть что-то интересное, но, как и ожидалось, его ждало лишь разочарование.

Мир был скучен, люди — глупы, вечно занятые взаимными убийствами и интригами. Они не понимали, что живут в настоящем аду, где короткие мгновения счастья — лишь преддверие бесконечной тьмы.

Бай Сюанькэ смотрел на людские радости и горести как божество, вззирающее на смертных, не способное разделить их эмоций. Пока однажды не услышал от своих солдат рассказ об одном человеке.

В один миг, словно лед на реке, тьма перед его глазами рассеялась, и сквозь густые тучи пробился луч света. Тогда он еще не понимал, но теперь ясно осознавал: даже не встретив Юй Чэня, его сердце уже начало тянуться к нему.

Если бы он не встретил его... если бы не вышел из той хижины, разве было бы ему сейчас так больно?

Бай Сюанькэ отпил вина. Он не стал возвращать Короля Гу в свое тело, его губы посинели. С самого рождения ему было трудно постичь человеческие чувства, и впервые он ощутил их так глубоко — но это была лишь удушающая печаль.

Печаль, от которой сердце сжималось в комок, а слезы, капая в рот, отдавали горечью. Бай Сюанькэ чувствовал, будто кто-то зажал ему нос и рот, не давая дышать. Каждый вдох отдавался болью, словно нож резал плоть.

Но стоило подумать, что в его воспоминаниях не будет этого человека, как Бай Сюанькэ начинал дрожать. Юй Чэнь был самым ярким пятном в его мире. Стоило увидеть его или услышать весть о нем, как Бай Сюанькэ невольно начинал радоваться и ждать завтрашнего дня.

Юй Чэнь был настоящим, непогасимым солнцем. Он был силен, непобедим, но при этом нежен. Он встал перед городскими воротами, защищая то, что хотел сберечь.

Ситуация была такой же, как и в тот год, с той лишь разницей, что Государству Хуа повезло — у них был Юй Чэнь. В тот момент, когда Бай Сюанькэ узнал, что Юй Чэнь жив, он чуть не упал на колени, готовый молиться у его ног, прильнув лбом к земле и целуя пыль, к которой прикасались его стопы.

Мой свет, смысл моей жизни!

Его жизнь до встречи с Юй Чэнем была жизнью ходячего мертвеца. Юй Чэнь наполнил её цветом. Бай Сюанькэ существовал ради него. Он ждал этого человека так долго, и лишь спустя двадцать четыре года нашел свой свет.

Но Бай Сюанькэ осознал это слишком поздно. Само его рождение было ошибкой. Он встретил Юй Чэня не в то время, не в том месте и не в том статусе.

Если бы был еще один шанс...

Он, Бай Сюанькэ, всё равно выбрал бы выйти из той хижины. Но он не пошел бы в Государство Ло, а отправился в Государство Хуа. И с того дня он стал бы острейшим мечом в руках Юй Чэня, не знающим преград.

Бай Сюанькэ поднял кувшин, выплеснул остатки вина себе на лицо, смешивая его со слезами. Если бы всё можно было начать сначала...

Он отдал бы десять жизней в муках, если бы только боги услышали его просьбу и вернули в то время.

Он расчистил бы путь для Юй Чэня, разгладил бы морщинки между его бровей. А не наблюдал

бы за его уходом, став невольным катализатором его смерти.

В тот момент, когда Юй Чэнь развернулся и ушел, Бай Сюанькэ понял, что свет покидает этот мир навсегда. Юй Чэнь был слишком уставшим. Он отдал всё ради Хуа, потратил весь свой блеск, но ни разу не подумал о себе. Непрекращающаяся рвота кровью, слабый пульс, температура тела, стремящаяся к...

Но кто он такой, чтобы останавливать его?

Если бы всё повторилось, даже не сумев предотвратить самопожертвование Юй Чэня, он бы выбрал умереть в бою за него.

Бай Сюанькэ, пошатываясь, поднялся с земли и вышел из хижины.

С того дня прошел месяц. Государство Хуа всё еще праздновало победу. Праздник должен был длиться год, с отменой налогов и всеобщим ликованием. А Юй Чэнь... он, должно быть, уже ушел.

Бай Сюанькэ, пошатываясь, шел по дороге, сжимая в руке кувшин. Он шел по следам Юй Чэня, словно сопровождая его в пути.

За время этого путешествия он встретил немало людей, включая бывших сослуживцев из Государства Ло, но они уже не узнавали в этом опустившемся бродяге когда-то блистательного бога войны.

— Мама, я хочу вырасти и стать таким же героем, как генерал Юй!

Бай Сюанькэ посмотрел на счастливых жителей Хуа, устало улыбнулся и продолжил свой путь.

— Ты ведь Бай Сюанькэ, верно? — женщина преградила ему дорогу, её голос дрожал от волнения. — Ты знаешь, где он? Юй Чэнь! Ты знаешь?!

Бай Сюанькэ, словно не слыша, обошел её. В этом мире так много людей, любивших его, теперь стало на одного безумца больше.

Когда путешествие закончится, он, наверное, увидит его. Дорога была слишком долгой, Бай Сюанькэ смертельно устал. Мир без него был невыносимо скучен.

Женщина смотрела на удаляющуюся спину Бай Сюанькэ. В один миг силы покинули её, она осела на землю, и по её щекам покатились слезы:

— Он... он не умер, он правда не умер...

Женщина кричала, впиваясь ногтями в кожу:

— Я так долго добиралась сюда, почему? Почему он всё равно ушел?!

— Я с таким трудом... я с таким трудом... я преодолела сотни лет, чтобы найти тебя...

— Почему... почему ты не мог остаться, почему ты такой жестокий, почему они забрали тебя...

— Кто бы вы ни были, боги или демоны, прошу, умоляю, не забирайте его, оставьте его здесь, оставьте, прошу...

Её звали Шэнь Цань. Люди судачили о том, что у наследницы семьи Шэнь слишком высокие запросы: к тридцати годам у неё не было ни одного парня, и некоторые даже сомневались в её ориентации. Шэнь Цань прожила так много лет, и никто не казался ей достойным внимания. Лучше посвятить себя работе, чем тратить время на любовь.

Пока она случайно не увидела один портрет. Она никогда не любила древнюю живопись, но эта картина врезалась ей в память. Она даже пошла на крайние меры, чтобы заставить коллекционера, не желавшего расставаться с картиной, продать её.

На ней был изображен мужчина — лишь профиль, но даже так чувствовалась глубокая любовь художника к натурщику. Казалось, в это полотно вложили весь свет мира. Тот, кто был на ней изображен, был любимцем мира, сокровищем, которое все бережно держали на руках.

Каждый штрих был пропитан нежной, осторожной, до боли в сердце любовью.

<http://bllate.org/book/22170/2309550>